

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

Несколько слов о Гоголе

«Так свежа понесенная нами утрата, так болезненна общественная скорбь, так еще неясно представляется уму смутно слышимый душою весь огромный смысл жизни, страданий и смерти нашего великого писателя, что невозможным кажется нам, перед началом нашего литературного дела, не поделиться словами скорби со всеми теми, неизвестными нам, кого бог пошлет нам в читатели, – не выполнить этой искренней, необходимой потребности сердца...»

Иван Сергеевич Аксаков

Несколько слов о Гоголе

Так свежа понесенная нами утрата, так болезненна общественная скорбь, так еще неясно представляется уму смутно слышимый душою весь огромный смысл жизни, страданий и смерти нашего великого писателя, что невозможным кажется нам, перед началом нашего литературного дела, не поделиться словами скорби со всеми теми, неизвестными нам, кого бог пошлет нам в читатели, – не выполнить этой искренней, необходимой потребности сердца.

Много еще пройдет времени, пока уразумеется вполне все глубокое и строгое значение Гоголя, этого монаха-художника, христианина-сатирика, аскета и юмориста, этого мученика возвышенной мысли и неразрешимой задачи! Нельзя было художнику в одно время вместить в себя, выстрадать, высказать вопрос и самому предложить на него ответ и разрешение! Вспомним то место, в конце 1-го тома «Мертвых душ», когда из души поэта, наболевшей от пошлости и ничтожества современного общества, вырываются мучительные стоны, и – обхваченный предчувствием великих судеб, ожидавших Русь, эту непостижи-

мую страну, он восклицает: «Русь! куда несешься ты, дай ответ!.. Не дает ответа!..»

И не дала она ответа поэту, и не передал он его нам, хотя всю жизнь свою ждал, молил и домогался истины. Ответ желал он найти и себе и обществу, требовавшему от него разрешения вопроса, заданного «Мертвыми душами». Долго страдал он, отыскивая светлой стороны и пути к примирению с обществом, как того жаждала любящая душа художника, искал, заблуждался (только тот не заблуждается, кто не ищет), уже не однажды думал, что найден ответ... Но не удовлетворялось правдивое чувство поэта: еще в 1846 г. сжег он 2-ой том «Мертвых душ»; опять искал и мучился, снова написал 2-ой том и сжег его снова!.. Так, по крайней мере, понимаем мы действия Гоголя и ссылаемся, в этом случае, на четыре письма его, напечатанные в известной книге [1]... Но недостало человека на это новое испытание, и деятельность духа, напором сил своих, постоянно возраставшим, без труда разорвала и сломила сдерживавшие ее земные узы... Вся жизнь, весь художественный подвиг, все искренние страдания Гоголя, на-

конец, сожжение самим художником своего труда, над которым он так долго, так мучительно работал, эта страшная, торжественная ночь сожжения и вслед за этим смерть, – все это вместе носит характер такого события, представляет такую великую, грозную поэму, смысл которой еще долго останется неразгаданным.

Многим из читателей, не знавшим Гоголя лично, может показаться странным, что этот художник, заставлявший всю Россию смеяться по своему произволу, был человек самого серьезного характера, самого строгого настроения духа; что писатель, так метко и неумолимо каравший человеческое ничтожество, был самого незлобивого нрава и сносил, без малейшего гнева, все нападки и оскорбления; что едва ли найдется душа, которая бы с такой нежностью и горячностью любила добро и правду в человеке и так глубоко и искренно страдала при встрече с ложью и дрянью человека. Как на нравственный подвиг, требующий чистого деятеля, смотрел он на свои литературные труды, и – живописец общественных нравов – неутомимо работал над лич-

ным, нравственным усовершенствованием. – Пусть те из читателей, для которых неясен образ Гоголя, сами посудят теперь, какую пытку испытывала эта любящая душа, когда, повинаясь своему призванию, шла «об руку» с такими героями, каковы, вполне верные действительности, герои «Мертвых душ». Пусть представят они себе этот страшный, мучительный процесс творчества, прелажавший слезы в смех, и лирический жар любви и той высокой мысли, во имя которой трудился он, – в спокойное, юмористическое созерцание и изображение жизни. Человеческий организм, в котором вмещалась эта лаборатория духа, должен был неминуемо скоро истощиться... Нам привелось два раза слушать чтение самого Гоголя (именно из 2-го тома «Мертвых душ»), и мы всякий раз чувствовали себя подавленными громадностью испытанного впечатления: так ощутителен был для нас этот изнурительный процесс творчества, о котором мы говорили, такую глубиную и полнотою жизни веяло от самого содержания, так много, казалось, изводилось жизни самого художника на писанные им

строки. Да, если и ошибался этот гениальный поэт в некоторых своих воззрениях (высказанных, например, в «Переписке с друзьями»), то тем не менее подвиг всей его жизни вполне чист и высок, вполне искренен. – Явится ли еще подобный художник или, быть может, со смертью Гоголя, наступает для нас иная пора?..

В одном из напечатанных своих писем[2] Гоголь говорит: «Три первых поэта, Пушкин, Грибоедов и Лермонтов, один за другим, в виду всех, были похищены насильственной смертью в течение одного десятилетия, в пору самого цветущего мужества, в полном развитии сил своих, и никого это не поразило. Даже не содрогнулось ветреное племя...»[3]

Теперь, не досказав своего слова, похищен смертью человек, которого значение для России важнее всех упомянутых трех поэтов, на которого так долго обращались взоры, полные надежд и ожидания, который был последнею современною светлою точкою на нашем грустном небе... Содрогнется ли, хоть теперь, ветреное племя?..

Примечания

Выбранные места из переписки с друзьями,
стр. 130 (Цитируется по изданию 1847 г.).

[^^^]

2

Выбранные места из переписки с друзьями,
стр. 258.

[^^^]

Неточная цитата из главы «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность» из книги «Выбранные места из переписки с друзьями» (См., напр.: Гоголь Н. В. Собр. соч., т. 6. М., 1967, С. 404.)

[^^^]